

тору Каз. дух. семинаріи, Архимандриту Кириллу; который пріютил насъ во ввѣренной ему семинаріи, постоянно посѣщаль насъ и неоднократно отечески бесѣдовалъ съ нами. Великое русское спасибо инспектору курсовъ П. С. Виноградову, съ любовью и отечески заботившемуся о насъ во все время пребыванія нашего на курсахъ. Всегда и всюду будемъ возсылать благодарность многоуважаемымъ лекторамъ, съ любовью наставлявшимъ насъ своимъ живымъ словомъ. Не могу не выразить предъ всеми вами, находящимися здѣсь учителями и учительницами тѣхъ чувствъ, какія переживаль каждый изъ насъ въ сердечныхъ дружескихъ бесѣдахъ въ свободныя отъ занятій минуты. Эти бесѣды, полныя сердечной теплоты и захватывающаго интереса, навсегда запечатлѣлись въ нашихъ сердцахъ и будутъ всегда пріятными воспоминаніями въ нашей однообразной сельской жизни. Эти задушевные, дружественныя бесѣды не менѣе уроковъ достоитимыхъ лекторовъ поднимали нашъ духъ и теперь каждому изъ насъ даютъ возможность съ помощію Всемогущаго Творца оправдать довѣріе къ намъ нашего начальства въ устроеніи церковно-приходскихъ школъ и возвести ее на подабающую ей идеальную высоту“.

Пѣніемъ „Достойно есть“ законченъ былъ торжественный актъ. Послѣ акта учителя и учительницы съ вѣдома начальства устроили подписку на поднесеніе иконы о. ректору семинаріи и пошли къ нему спросить его благословенія. О. ректоръ, благословляя, успѣлъ каждому сказать ласковое папучтвенное слово и далъ каждому иконку Казанской Божіей Матери. 11-го Августа слушатели выѣхали изъ Казани и скоро прибыли въ родныя мѣста. Прошли какіе нибудь 5 — 7 дней; забылась тяжесть труда, забылось физическое и умственное утомленіе; остался одинъ осадокъ на душѣ — осущеніе новыхъ знаній, притокъ и подъемъ энергіи, самыя свѣтлыя на душѣ воспоминанія о дорогомъ времени, протекшемъ въ обществѣ лекторовъ, возвѣщавшихъ слово знанія и истины, въ товарищескихъ бесѣдахъ, близкихъ сердцу и уму, полныхъ жизненности и интереса; чувствуется то душевное довольство, которое по истинѣ составляетъ счастье человѣка.

Θ. Арх — скій.

ИЗЪ ДНЕВНИКА СВЯЩЕННИКА.

Другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ. (Гал. VI — 2).

Послѣ двухъ-недѣльнаго путешествія по полутнымъ селамъ и деревнямъ я выѣзжалъ изъ Царицына поздною осенью. Это была моя первая столь продолжительная отлучка отъ семьи. И такое короткое время — двѣ недѣли — мнѣ показалось долгимъ — безъ конца, цѣлою вѣчностію. Мои лошадки, тоже нагостившія въ городѣ, будто раздѣляли мое желаніе — летѣть скорѣе и

скорѣе. Кучеръ мой, добрый малый Лексаша, также оживился. Онъ какъ-то особенно весело сталъ помахивать кнутикомъ, молодецки покрикивая: „Эй, вы — дѣтки!“ „Эхъ, вы — молодчики!“ Видимо всёхъ занимала одна мысль — поскорѣе добраться домой. Картины домашняго очага одна пріятнѣе другой рисовались въ моемъ воображеніи. Я видѣлъ ясно, какъ на яву, какъ мои ребята въ припрыжку бѣжали мнѣ на встрѣчу, гарцуя на своихъ на двоихъ и иноходью и рысью. Наконецъ добрались до почной стоянки. Значительный отдыхъ и сѣдокамъ и лошадамъ. Добрый ховлинъ встрѣтилъ насъ очень ласково. За чаемъ разговорились:

— А у насъ тутъ, батюшка, по сосѣдству маленькое несчастіе произошло. Батюшкѣ, о. Алексію, Богъ „по душу“ послалъ. Молодехонекъ, а вотъ значить того...

Но я больше не слышалъ его словъ. Это „маленькое несчастіе“ такъ было для меня неожиданно и такъ сильно на меня повліяло, что я положительно не могъ собрать своихъ мыслей и далъ волю своимъ слезамъ. Собесѣдникъ мой говорилъ мнѣ что-то и много и долго, но я не слышалъ его. Образъ почившаго собрата стоялъ предо мною. Думы одна мрачнѣе другой на перебой лѣзли въ мою голову.

— Слушай, ты не ошибаешься-ли? Вѣдь, батюшка-то кажется, слава Богу...

— Нѣтъ, ужъ это вѣрно, не сомнѣвайтесь. Хотя я самъ и не былъ тамъ, но, вѣрно, несчастіе. Землякъ, значить, какъ есть сосѣдъ батюшкинъ, намедни былъ и все разказывалъ, какъ есть въ подробностяхъ. Слезамъ подобно, что было.

И я узналъ отъ собесѣдника печальную вѣсть: умеръ священникъ села Завѣтнаго, Черноярскаго уѣзда, Астраханской епархіи о. Алексій Сперанскій, лѣтъ 32, не болѣе. По окончаніи курса въ Ярославской духовной семинаріи, онъ пріѣхалъ въ Астрахань, гдѣ проходилъ должности псаломщика и діакона при градской Никольской церкви и только годъ былъ священникомъ въ означенномъ селѣ. Я видѣлъ его одинъ разъ и онъ произвелъ на меня впечатлѣніе дѣловаго человѣка, отъ котораго можно ожидать многого. При специальной подготовкѣ къ своему положенію, онъ всёмъ своимъ существомъ предался своей священной обязанности, къ которой приготавлился столько лѣтъ. Еще такъ недавно, за мѣсяць до смерти, онъ нарочито ѣздилъ въ Астрахань собрать для вновь строящейся церкви на хуторѣ его прихода священныхъ облаченій, церковныхъ принадлежностей и проч. и былъ вполне счастливъ, что Астрахань сочувственно откликнулась на его просьбу о помощи. Онъ при вѣзѣ достаточно блаженъ и старыхъ и новыхъ и былъ такъ счастливъ и доволенъ, что радости его не было конца. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ встрѣтилъ его во время этой поѣздки въ Царицынъ и повѣдалъ мнѣ о его душевной радости: „Знаете, говорилъ о. Алексій, для города эти облаченія подержаны,

а для насъ это просто благодѣяніе. Я такъ радъ, такъ радъ. Вотъ, если бы еще Богъ помогъ мнѣ добраться къ празднику. Ахъ, какъ-бы хорошо было.—У меня теперь завѣтная мечта выселить базаръ съ церковной площади за село. Кабаки, слава Богу, уничтожилъ (выселилъ), а вотъ базаръ“... Но не суждено было осуществиться столь благимъ желаніямъ и начинаніямъ ревностнаго пастыря. Смерть положила конецъ въ самомъ разгарѣ душевныхъ силъ всѣмъ заботамъ, стремленіямъ и желаніямъ; она безощадно сразила свою жертву. О. Сперанскій отличался полнымъ здоровьемъ, судя по вѣщности, да и самъ онъ былъ такого о себѣ мнѣнія. Смерть застигла его внезапно, *яко тать въ нощи* (1 Петръ III—10 с.) Правда, въ нашихъ глухихъ краяхъ, при совершенномъ отсутствіи какой-бы то ни было медицинской помощи, такіа и подобныя явленія не рѣдкость. О причинахъ смерти здѣсь не разсуждаютъ: „схватило“ и все тутъ; „подкатилось подъ грудь“ и дѣлу конецъ; а потому и метрическія наши книги наполнены отмѣтками: отъ продолжительной болѣзни, отъ преклонныхъ лѣтъ, отъ старости, отъ головы, отъ живота и пр. Мы часто удивляемся множеству повѣрій и суевѣрій, существующихъ въ народѣ и часто объясняемъ существованіе ихъ отсутствіемъ образованія въ народѣ: народъ не просвѣщенъ, поэтому и суевѣренъ. Это вѣрно, но отчасти; суевѣрія и повѣрія держатся въ народѣ еще вслѣдствіе его крайней безпомощности. Извѣстно, что утопающій хватается за соломенку. Конечно, глупо, но кто этого не сдѣлаетъ? То же и суевѣрія. Недавно мнѣ случилось взять у одного мужичка написанную на клочкѣ бумаги молитву, которую онъ носилъ на груди вмѣстѣ съ крестомъ. Молитва оказалась отъ лихорадки и начинается такъ: „Святый Воже, святый крѣпкій, святый безсмертный помилуй насъ (трижды)“. Затѣмъ крупнымъ шрифтомъ надписаніе: „Молитва отъ лихорадки“ и самая молитва: „Встану я рабъ Вожій (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, путемъ дорогою, къ синему морю-океану. У этого океана-моря стоитъ древо караколість. На этомъ древѣ караколість висятъ Кузьма, Демьянъ, Лука и Павелъ, великіе помощники. Прибѣгаю къ вамъ рабъ Вожій (имя рекъ) и прошу, великіе помощники, сказать мнѣ: для чего-же выходятъ изъ моря-океана женщины простоволосыя и они по міру ходятъ, отбиваютъ отъ сна и отъ ѣды, сосутъ кровь, тянутъ жилы, какъ червь точатъ червую печень; пилой пилитъ желтыя кости и суставы. Здѣсь вамъ не житье-жилице, ни прохладыще. Ступайте вы въ болота глубокія и озера, и быстрыя рѣки и темныя боры; тамъ для васъ кровати поставлены тесовыя; перины пуховыя; подушки перьяныя; тамъ яства сахарныя; вапитки медовыя. Тамъ будетъ вамъ житье и жилище и прохладыще и по сей часъ и по сей день. Спасите сами раба Вожьяго (имя рекъ) крѣпко-крѣпко. Аминь“. И вотъ такую-то молитву христіанинъ носилъ цѣлыхъ два года на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ. Я прочиталъ ему его молитву съ цѣлю узнать, какое произведетъ она впечатлѣніе? Оиѣтсея: „Ишь, Воже

мой, что напутано, а сказано молитва". И тотчас-же отдалъ ее въ мое распоряженіе. И такихъ молитвъ, т. е. не такихъ, а еще худшихъ и по содержанію и по изложенію—цѣлыя тысячи. На этотъ счетъ у меня былъ случай, который сохранится на долго въ моей памяти. Въ моемъ приходѣ жилъ крестьянинъ Иванъ; всѣ считали его за человѣка, о которомъ принято говорить: „не весь дома“. И оказалось, что этотъ Иванъ лечитъ крестьянъ „молитвами“.

— Нельзя-ли, голубчикъ, услышать твои молитвы, сказалъ однажды я ему.

— Почему нельзя? можно; молитвы божескія!

И началось чтеніе. Слыхалъ я много различныхъ заговоровъ на всевозможныя случаи съ обычными обращеніями къ морямъ-океанамъ, островамъ-буянамъ, лишенныхъ всякаго смысла; по то, что я услышалъ отъ Ивана превосходило все слышанное мною. Это было какое-то бессмысленное сочетаніе безпоятныхъ словъ, неподдающееся описанію. Конечно я посоветовалъ этому пезванному врачу больше не лечить, а если кто будетъ къ нему обращаться съ усиленными просьбами, то читать общеустановленныя церковныя молитвы. Да откровенно сказать, при отсутствіи всякой медицинской помощи въ селѣ приходится обращаться и къ Иванамъ. Единственный ребенокъ въ семьѣ, на котораго родители не насмотрятся, кричитъ день и ночь. Мать и такъ и сякъ около него; и плакала въволю (первое средство!), а онъ все кричитъ да кричитъ. Что дѣлать, какъ быть? А тутъ совѣтуютъ обратиться къ сосѣду, допустимъ къ Ивану, „какъ рукой спиметь“, говорятъ, „и дѣловъ не куча, только съ уголька умоешь отъ „сглазу“; вѣдь это „сглазь“ съ нимъ“. Что-жь? что нибудь надо дѣлать; вѣдь жаль своего родимого, а онъ какъ на грѣхъ кричитъ да кричитъ. Надо сходить. Идетъ, кланяется, проситъ. Читѣмъ произволятся обычныя: умываніе съ угля, смотрѣніе въ воду, выливаніе „переполоху“, „завариваніе зори“ и пр. и пр., имъ-же нѣсть числа. А ребенокъ, накричавшись вволю, умолкъ. Мать неописанно рада. Шлетъ тысячу благодарностей своему избавителю, за которымъ усвоется и слава и авторитетъ. При другомъ такомъ случаѣ мать, конечно, бѣжитъ уже безъ всякихъ совѣтовъ. И такіе врачи—мужеска и женска пола безразлично лечатъ и большихъ и маленькихъ отъ всякихъ болѣзней. Померъ ребенокъ, авторитетъ всетаки не теряется, значить „смертное“. Такимъ образомъ сама необходимость заставляетъ обращаться къ такимъ знахарямъ. Хотя ободрять и успокоить, и за то спасибо. Будь въ селѣ врачъ или фельдшеръ, да еще трезвый и хотя нѣсколько знающій свое дѣло—обстоятельства-бы быстро перемѣнились. Всѣ эти доморощенные врачи, подобные Ивану, тотчасъ-бы потеряли свое значеніе. Я знаю одно очень глухое село, гдѣ не было ни врача, ни фельдшера, а жилъ ветеринарный врачъ—живатый и семейный. Ради себя, жены и дѣтей онъ поближе познакомился съ медициною и помогалъ многимъ. Къ нему стали идти вереницей, привозили даже изъ сосѣднихъ селъ. Черезъ годъ онъ уѣхалъ, будучи пере-

командированъ въ другое мѣсто службы. И долго-долго его вспоминали съ неподдѣльнымъ сожалѣніемъ и глубокою благодарностію. Да! Безпомощность! Вотъ и о. Алексѣй, упомянутый выше, тоже такъ, вдругъ, безъ всякой медицинской помощи... Если-бы прохворалъ, можетъ быть и онъ-бы обратился къ какому нибудь Ивану за медицинскою помощію. И за это едва-ли бы кто его осудилъ. Вѣдь надо-же чего нибудь дѣлать: вызвать врача изъ далека нѣтъ средствъ, а по близости врачей нѣтъ... Но въ данное время не это меня интересовало. Мнѣ хотѣлось узнать, какъ провелъ послѣднія минуты молодой мой сотоварищъ-священноіерей? Что ощущалъ онъ, разставаясь съ симъ міромъ и прощаясь съ семьей своей? Сообщенія мнѣ подробности оказались слишкомъ печальными и трогательными... Предъ самой смертію въ покойномъ всыхнула вся любовь къ жень и дѣтямъ, которыхъ онъ оставлялъ безъ всякихъ средствъ, на произволь судьбы. Онъ съ ужасомъ взглянулъ своимъ тускнѣющимъ умомъ впередъ и ему представилась поражающая картина вдовства и сиротства жены и дѣтей. Онъ поднялъ глаза, и остановилъ свой потухающій взоръ на женѣ, хотѣлъ сказать ей что-то въ утѣшеніе, но не могъ: слезы градомъ полились изъ его глазъ: онъ молча прильнулъ къ подушкѣ. Судорожное вздрагиваніе всего тѣла свидѣтельствовало, что онъ рыдалъ и рыдалъ безутѣшно и безпомощно. Только слышны были по временамъ вопли наболѣвшей души: Воже, Воже мой! Что будетъ съ вами? дѣтки мои!! птенчики невинныя!!! Съ этими словами такъ и заснулъ непробуднымъ сномъ, а дѣтки—эти утѣшители наши, остались безпомощными сиротками безъ крова и средствъ. Конечно, они не понимали своего положенія, какъ и того безутѣшнаго вопля своего умирающаго отца, который раздавался предъ смертію: они узнаютъ впоследствии и поймутъ, о чемъ и о комъ такъ горько предъ смертію плакалъ ихъ отецъ. Его облачили какъ слѣдуетъ по чину, положили на столъ и началось чтеніе евангелія; всѣ творили молитвы о упокоеніи новопреставленнаго раба Божія. Только маленькій сыночекъ, не понимая происходящаго вокругъ него, спокойно дергалъ за черный покровъ и говорилъ отцу своему: „папа, будетъ спать, пойдемъ чай пить, памъ скучно“! Никто не могъ удержаться отъ слезъ: всѣ рыдали. — Не могъ и я дальше слушать и допрашивать своего собесѣдника и далъ волю своимъ слезамъ.

...Изъ села я выѣхалъ въ самомъ мрачномъ настроеніи. Картины одна другой печальнѣе лѣзли въ голову. А мой собесѣдникъ продолжалъ: „Да, сказано смерть не разбираетъ. Ишь, вѣдь, молодъ, и умеръ, на-поди! Ну а матушка теперь т. е. на какой „ваканціи“? Я ее увидѣлъ, какъ проѣзжали черезъ ихъ деревню. Она такая молоденькая, чисто дѣвочка.. прошла такая печальная съ церковной ограды; ребятки съ ней, мальчикъ кажется, да дѣвочка; просто жалость! Теперь сразу почетъ другой будетъ; перво-на-перво съ квартиры, значить, долой—выходи. У насъ вотъ первое дѣло свой кучокъ (дожъ), а тамъ глядишь хлѣба года на два, на три; а

тамъ скотинка и другое прочее продовольствіе, значить есть—готово, а у ней чего?!”

И снова полѣзли печальныя думы въ мою голову. И припомнились мнѣ моя товарищи и сотоварищи, которые также чуть не съ первыхъ годовъ своей службы, въ цвѣтъ лѣтъ, умирали, оставивъ и женъ и дѣтей и безъ кровли и безъ куска хлѣба вполнѣ на волю Божию. Подруги ихъ жизни въ замужествѣ надѣялись найти поддержку и, совмѣстно работая, что либо приготовить на случай печальной необходимости, на черный день. Но пять жизни обрывалась вдругъ и неожиданно, а приготовленнаго про запасъ ничего не было. И припомнилась мнѣ недавняя смерть о. Андрея Смирнова *), который, среди разгара труда и заботы, вдругъ свалился и померъ, оставивъ 4, кажется, (если не больше) дѣтей —малъ-мала меньше. Припомнилъ даже и подлинныя слова автора некролога: „кто поможетъ безпомощнымъ и сиротѣ? Кто воспитаетъ и вскормитъ малолѣтнихъ дѣтей“? Дѣйствительно мать въ такихъ случаяхъ, особенно на первыхъ порахъ, сама нуждается въ помощи. На нее рассчитывать нечего; тутъ нужна сторонняя помощь. По смерти о. Алексѣя Споранскаго первымъ ангеломъ-утѣшителемъ явилось Заѣтинское сельское общество, выдавшее вдовѣвспомоществованіе на дорогу для проѣзда къ отцу 50 р., сдѣлавъ этимъ великое и святое дѣло взаимопомощи и показывая примѣръ всеѣмъ и каждому, особенно намъ сопастырямъ и со-молитвенникамъ, что значить: *другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. VI—2) не словами, а дѣломъ. Оно показало, гдѣ и какъ особенно благотворно проявить взаимную любовь, которая въ пастыряхъ должна быть сугубая и по ихъ положенію, и по взаимосообщенію. Вѣдь все мы чуть-ли не каждого знаемъ отъ дѣтства: того по училищу, того по семинаріи, того по службѣ, другого по сосѣдству. А чѣмъ мы выражаемъ взаимопомощь особенно въ печальныхъ обстоятельствахъ жизни? Къ сожалѣнію ограничиваемся одними пожеланіями вѣчнаго блаженства, а вдову и бѣдныхъ сиротъ, которыя плоть отъ плоти нашей, совершенно забываемъ и ничѣмъ не помогаемъ... Каждый изъ насъ объ этомъ думаетъ и даже еще при полномъ здоровьи съ содроганіемъ помышляетъ: „а что если... что тогда будетъ?“ Кровью обливается сердце при одной только мысли оставить семью безъ крова и средствъ и безъ всякой надежды на какую-либо помощь. Неужели это такъ и должно быть и этому нельзя помочь? Думается, соединившись по одному, мы навсегда могли-бы вычеркнуть изъ страницъ посмертныхъ описаній и некрологовъ раздирающіе душу вопросы вроде выше-приведеннаго: „Кто поможетъ безпомощнымъ и сиротѣ; кто воспитаетъ и вскормитъ малолѣтнихъ дѣтей“? Нужно только немного больше полюбить другъ друга и показать эту любовь не на словахъ только, какъ мы привыкли, а на дѣлѣ. Благо, первый толчекъ данъ. Бывшій Астраханскій Ар-

*) Священникъ с. Средне-Ахтубинскаго, умершій въ 1896 году на 30 году жизни. (Некрол. помѣщ. въ № 9 „А. Е. В.“ 1896 г.)

хипастырѣ, Пресвященнѣйшій Митрофанъ, нынѣ Епископъ Орловскій, проникнутый истинною христіанскою любовію къ вѣренному ему духовенству, въ 1894 году обратилъ свое отеческое вниманіе на печальное положеніе вдовствующихъ женъ священно-церковно-служителей. На постановленіи съѣзда Х благочинническаго округа о поминовеніи почившаго священноіерей о. Павла Вердичевскаго, 15 Марта 1894 г. онъ благоволилъ наложить слѣдующую резолюцію: „Доброе дѣло! Если всѣ христіане, то служители церкви Христовой особенно должны имѣть братскую любовь другъ къ другу и молиться другъ за друга *и помогать другъ другу*. Посему кромѣ молитвъ о душахъ почившихъ собратій желательно было-бы, чтобы члены причтовъ по общему соглашенію на съѣздахъ удѣляли изъ своихъ средствъ посильныя лепты на пособіе оставшимся безъ средствъ вдовамъ и сиротамъ умершихъ собратій, какъ это дѣлается уже въ нѣкоторыхъ епархіяхъ“. И вотъ прошло уже три года, явились новыя жертвы, также безпомощныя, какъ и старыя, а вопросъ о пособіи вдовамъ и сиротамъ въ нашей Астраханской епархіи стоитъ „in statu quo“. Не разъ поднимался онъ и на нашихъ епархіальныхъ Съѣздахъ духовенства, но къ желанному концу не приводился. Извѣстно намъ, что еще Съѣздъ 1875 года выработалъ правила эмеритурны для духовенства нашей епархіи, которыя по одобреніи на Съѣздѣ 1876 г. были препровождены въ Св. Синодъ на утвержденіе; но означенныя правила пайдены неполными и возвращены для передѣлки и пополненія. Въ 1884 г. также на Съѣздѣ вновь были рассмотрѣны эти правила и опять не были утверждены Св. Синодомъ, такъ что Астраханское духовенство отложило всякія попытки улучшить свое неприглядное положеніе посредствомъ эмеритурны. И только благодаря заботливости нашего новаго благодѣйшаго Архипастыря, Пресвященнѣйшаго Епископа Сергія (да будетъ на вѣки благословенно его имя для Астраханскаго духовенства) вопросъ объ эмеритурѣ для Астраханскаго духовенства снова выплываетъ наружу и будетъ неотложнымъ предметомъ рассмотрѣнія на предстоящемъ Съѣздѣ духовенства. И мы надѣемся, что Съѣздъ поддержитъ благое желаніе своего Архипастыря и рѣшитъ вопросъ объ эмеритурѣ утвердительно къ общей радости всего духовенства *).

„Что ужъ задумался такъ, батюшка; мы ужъ въ свою столицу пріѣхали“, прервалъ мои мысли голосъ моего возницы. И правда мы уже подъѣзжали къ дому. Ребятишки мои выбѣжали на встрѣчу и ихъ веселость разогнала мои мрачныя думы.

Свящ. Вас. Кряжмскій.

*) Статья эта представлена была въ редакцію еще до открытія XXV Еп. Съѣзда духовенства Астраханской епархіи. Слѣдуетъ утѣшить болящаго душой автора, а равно и все духовенство нашей епархіи, что дѣйствительно благодаря особенной заботливости нашего Архипастыря вопросъ объ обезпеченіи вдовъ и сиротъ духовенства епархіи на бывшемъ въ Сентябрь сего года Съѣздѣ духовенства нашей епархіи рѣшенъ утвердительно. Ред.